Тальков И. 12.10.91

Поэты не рождаются
случайно,
Они уходят, выполнив
заданье,
Они уходят, не допев
куплета...

Он ушел именно так — поэт, композитор и певец Игорь Тальков, человек яркой индивидуальности, необычной судьбы. Он не собирался становиться музыкантом, хотя и окончил музыкальную школу. Поступая в театральное, учился в педагогическом на физфаке, затем на режиссерском, но музыка, которая постоянно звучала в доме, захватила его. Песни начал писать давно, но они встречали такую резкую критику, что петь для широкой публики он не решался. Когда ему стукнуло 33, он стал появляться на экранах, звучать на радио, выступать в сольных концертах. Долгих 15 лет он шел по ступенькам эстрады вверх, но только два года был на вершине. Это ничтожно мало. Его голос будет звучать с кассет, мы увидим его по телевизору, в кино. Ну, «а когда погаснут свечи», Игорь Тальков будет жить в нашей памяти.

Культура. — 1991. — 12 окт. — С. 16.

Они уходят, не допев куплета

Это интервью не успело увидеть света при жизни Игоря Талькова. Мы публикуем его сегодня.

Найти паузу в его днях, заполненных до предела репетициями, концертами, гастролями, съемками, было делом нелегким.

Но, несмотря на постоянную занятость, во всем его облике не было ничего суетливого. Внимательный взгляд серых глаз, спокойная походка, ровно звучащий, чуть с хрипотцой, голос.

— Я завидую Васе.

— **Кому?**

— Моему коту. Гуляет, ест, спит и никаких проблем.

— **И давно вы стали ему завидовать?**

— Два года. Было время, я ездил с ансамблями по стране, был ударником, гитаристом, клавишником, но ритм был более размеренный, было, правда, и другое время, когда работы вообще не было. Я уже хотел все бросить и идти в таксисты — машину хорошо вожу. Но моя «Россия» попала в передачу «До и после полуночи», а сам я — на конкурс «Ступень к Парнасу». И пошло, поехало.

— **Вы были уверены в победе?**

— Ну, что вы! Мне ведь все говорили, что с моим голосом петь нельзя, а мои стихи несовершенны. Первой твердо сказала, что песни мои профессиональны, актриса Маргарита Терехова. Она и меня заставила в это поверить, окрылила.

— **Вы пишете песни давно, а сколько их у вас?**

— Около 200, и все на мои стихи. Я не хвастаюсь, просто настроение рождает мелодию, а слова как бы дополняют. Говорят, что у меня много злости в песнях, но это не злость — это боль, она в моей душе, и нет мне покоя.

— **Видите ли вы во время выступления глаза зрителей?**

— Несколько раз я встречал взгляд, полный неприязни, это сильно выбивало из колеи, и я перестал всматриваться.

— **У вас очень фотогеничная внешность, это послужило поводом для кинопредложений?**

— Наверное, что-то режиссеры увидели во мне. После школы я поступал в театральный, бредил героями Достоевского, мечтал о Раскольникове.

— **Но наряду с благородным князем Серебряным вы сыграли резко отрицательную роль.**

— Я отказывался, честно. Говорил, что зрители меня не поймут, очень хотел сыграть в этом фильме положительного героя, тогда мне поставили условие, чтобы я сбрил усы, бороду и постригся. Вы можете себе это представить? Я уже однажды был в таком образе. Меня не то что друзья, мама родная не сразу узнала.

— **Интересно, как бы вас встретили зрители?**

— Они бы не приняли никаких объяснений и потребовали от организаторов концерта Игоря Талькова.

— **А что же вас убедило сыграть эту роль?**

— Возможность проявить себя в разных характерах. Мне самому было интересно — смогу ли?

— **А сейчас много предложений?**

— Очень, так много, что я даже боюсь, не пришлось бы мне оставить свою основную профессию.

— **Ваш сын появляется на сцене вместе с вами. Вы хотите, чтобы он пошел по вашим стопам?**

— Нет. Впрочем, я неправильно ответил. Я объясняю ему разницу между добром и злом, он растет хорошим мальчиком. Как сложится его судьба, я не берусь загадывать, но я уверен, что призвание, если оно у него есть, его не обманет. Если он выберет сцену, я постараюсь избавить его от всего плохого, через что прошел сам.

— **Хотели бы вы поехать на гастроли за границу?**

— Я поеду только в том случае, если буду уверен, что там есть зритель, которому я интересен. Мы были на фестивале в Гамбурге. Там перед каждым исполнением был перевод, я работал 40 минут, кассеты разошлись очень быстро, я чувствовал, что меня понимают. Ну, а ехать выступать в кабаре в Лас-Вегасе или в ресторане Лос-Анджелеса перед жующей публикой только для того, чтобы вырваться, я не намерен.

— **Было время, когда вы спокойно, никем не узнаваемый ходили по улицам. А как теперь, когда у вас такая популярность?**

— Я не согласен. Я просто известный. Популярных боготворят, а к известным относятся по-разному: безразлично, любят, ненавидят.

— **Если бы пришлось начать сначала, какой бы вы выбрали путь?**

— Если бы мне, как в кино, прокрутили все мои 15 с лишним лет эстрадной жизни, я бы ужаснулся. Я боготворю сцену, она мне по ночам снится, но меня столько раз предавали, столько раз ломали... Только жена в меня верила, все говорила, что в 33 года я всего добьюсь. Так и случилось. Начать заново преодолевать все ступеньки, ведущие вверх, я не смог бы, занялся бы чем-нибудь другим.

Интервью взяла
Т. ПЕТРЕНКО.